

УДК 168.522

Неучастие как форма взаимодействия: возможности арт-медиации

Забелина Мария Валентиновна

Магистр культурологии,
лаборант учебной лаборатории кафедры теории и истории культуры,
Российский государственный педагогический университет,
191186, Российской Федерации, Санкт-Петербург,
набережная реки Мойки 48;
e-mail: Zabelina1990@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию права на не-участие в контексте арт-медиации. Формулируется само понятие "права на не-участие", рассматриваемое не только как форма отказа от взаимодействия, но и с точки зрения потенциального нового уровня коммуникации. В работе анализируются причины и барьеры, приводящие к не-участию в музейных практиках, включая арт-медиацию. Исследование основывается на теоретических подходах, таких как социальная драматургия И. Гоффмана, теории андрагогики М. Ноулза, типологии темпераментов, а также принципах инклюзии в широком ее понимании. Особое внимание уделяется времени как экономическому ресурсу, который играет ключевую роль в принятии решения об участии или отказе от него. В статье подчеркивается, что не-участие не всегда является негативным фактором, оно может выступать осознанным выбором, который следует уважать и учитывать в контексте музейного взаимодействия. Также предлагаются рекомендации для арт-медиаторов, направленные на создание условий, в которых право на не-участие становится частью инклюзивного подхода к аудитории. Решения включают гибкость форматов мероприятий, учет индивидуальных особенностей участников, а также разработку новых стратегий взаимодействия, основанных на эмпатии. Исследование способствует более глубокому пониманию феномена не-участия и открывает перспективы для развития арт-медиации как формы взаимодействия, где открывается возможность проявить себя в соответствии со своими личными границами и предпочтениями.

Для цитирования в научных исследованиях

Забелина М.В. Неучастие как форма взаимодействия: возможности арт-медиации // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 1А. С. 53-65.

Ключевые слов

Не-участие, арт-медиация, музейные практики, право на не-участие, музейная педагогика, социальная драматургия, андрагогика, инклюзия, партиципация.

Введение

В условиях стремительного развития цифровых технологий и медиапространства, культурные институты переживают глубокие преобразования. Музей, как один из наиболее устойчивых и традиционных культурных институтов, также трансформируется и меняет свои принципы и даже контекст, все более включаясь во взаимодействие с аудиторией и используя для этого разнообразные формы вовлечения. Арт-медиация, как одна из форм музейной работы, приобретает особое значение, так как предлагает посетителям музея нестандартные приемы в работе с искусством, а также активное взаимодействие в музейном пространстве через демократичного посредника. Эта практика ориентирована на создание диалога между аудиторией и искусством, погружение в контекст произведений и стремление к глубокому постижению их смысла, а также широкий взгляд на пространство музея/выставки и особый индивидуальный опыт.

При этом, несмотря на очевидные преимущества такого вовлечения, может возникать ситуация (и в практике медиаторов такие случаи есть) когда один или несколько участников арт-медиации либо остаются в роли наблюдателей, избегая активного участия, либо покидают арт-медиацию совсем. Такое «не-участие» зачастую воспринимается как отсутствие интереса или нежелание взаимодействовать, что поднимает вопросы о необходимости вовлечения всех посетителей и возможных рисках для арт-медиатора, как представителя институции и репутационных потерь самой институции, связанных с нежеланием аудитории участвовать в предложенной программе или туре. В рамках данной статьи планируется рассмотреть, что представляет собой не-участие или «право на не-участие» как осознанный выбор посетителя, какие причины могут стоять за этим отказом, и как следует подходить к этой ситуации в контексте арт-медиации.

С одной стороны, не-участие можно рассматривать как форму самоопределения и уважения к личным границам участника медиации, предоставляя ему свободу выбора и уровня вовлеченности. С другой стороны, отсутствие активного взаимодействия может создавать преграды для самой реализации программы, может влиять на климат в медиаторской группе, на персональный опыт всех участников и, в конечном итоге, на постижение и общение с искусством в музейном пространстве, что может плохо сказаться на имидже всей институции и самой практики медиации. Возникает вопрос: является ли сопротивление вовлечению «проблемой», требующей вмешательства, или же это естественная и допустимая реакция в условиях партиципаторного поворота?

Основная часть

Взаимодействие между людьми представляет собой сложную и актуальную тему, которая привлекла внимание многих исследователей, включая культурологов, психологов, социологов и педагогов. Общение в рамках арт-медиации носит определенный характер, поэтому для раскрытия озвученной проблемы есть смысл обратиться к исследованиям в области коммуникации и общения, а также к смежным областям и междисциплинарным исследованиям, которые могут быть полезны для развития арт-медиации как новой формы взаимодействия в музее.

Одним из узловых подходов в данной области является теория драматургии Ирвинга Гоффмана [Гофман, 2000], согласно которой важным аспектом межличностного

взаимодействия становится «поддержание лица» — образа и роли, которую человек стремится сохранить в различных ситуациях. В рамках арт-медиации представляет интерес проблема, связанная с нарушением этого образа, поскольку неудачное «управление впечатлениями», как определяет его Гоффман, способно затруднить групповую коммуникацию, а также привести к нежеланию продолжать взаимодействие или даже отказу от участия в событии. Таким образом, учет и анализ этих аспектов становится важной частью работы с индивидуумом в условиях определенной групповой коммуникации и социального взаимодействия в целом.

Еще одной значимой областью исследования является психоанализ в интерпретации Карла Густава Юнга. Как известно, К. Юнг предложил концепцию, согласно которой люди обладают различными психологическими predispositionами, такими как интроверсия и экстраверсия, что существенно влияет на их поведение. Позже на основе его трудов был разработан индикатор типов Майерс-Бриггс (МВТИ), который выделяет типологию предпочтений, определяющую способы принятия решений и взаимодействия людей в зависимости от их личностных характеристик. Игнорирование этих данных в арт-медиации означало бы упущение еще одного важного аналитического и практического аспекта в работе с аудиторией.

Не менее важным источником для работы арт-медиатора в работе с группой людей/участников медиации является теория андрагогики (термин Александра Каппа 1833 г.) американского исследователя Малкольма Ноулза [Ноулз, 1980]. В рамках своей работы Ноулз выделил ряд черт, отличающих обучающихся взрослых от детей, а также предложил свои принципы, которые могут быть доступны для применения в области педагогики (в том числе музейной) взрослых. Безусловно данная работа не единственная в этой области. Исследователи, научным интересом которых является педагогика взрослых, отмечают, что при работе со взрослой аудиторией следует делать акцент на накопленном ими опыте, кризисных ситуациях, озарениях, рефлексии, абстрактных концептах и экспериментальности; все эти особенности позволяют им активно и продуктивно участвовать в образовательном процессе [Кларин, 1989]. Выделенные М. Ноулзом для андрагогики условия успешного образовательного процесса для взрослой аудитории с пользой могут быть учтены в работе арт-медиатора. Например, создание особого климата в группе, организационная структура и взаимодействие при планировании мероприятия, ориентация на потребности взрослой аудитории, четкое осознание всех участников направления и целей деятельности и др. [Ноулз, 1980] Для арт-медиатора это означает необходимость учитывать особенности взрослой аудитории, для которой важна осознанная рефлексия, обмен опытом и глубокая внутренняя работа.

В более широком контексте ценность приобретают инклюзивные подходы, рассматриваемые как социокультурная деятельность, направленная не только на интеграцию людей с особыми потребностями в общий социальный контекст, но и на создание таких условий, которые обеспечивают комфорт всем участникам, независимо от их характера, темперамента и внутренних predispositionов. Инклюзия, таким образом, не ограничивается вопросами доступности, но становится способом адаптации пространств и взаимодействия для широкой и разнообразной аудитории. В музейном контексте арт-медиация становится одним из «кирпичиков» создания поликультурной среды, в которой могут взаимодействовать люди самых разных категорий, национальностей, ролей, возможностей, полов и т.д. Как отмечает Джон Фальк, музейный досуг (в который может входить и практика арт-медиации), как одна из форм деятельности может быть связующей нитью между разными группами населения и культурами вообще. Культурная идентификация реализуется через осознанный выбор

активности и участие в ней [Falk, 2016].

Последней областью, которую нельзя не упомянуть в рамках исследования права на не-участие в арт-медиации, становятся социокультурные изменения, открывающие исследователям ценность времени как человеческого ресурса. Леон Батиста Альберти отмечает эту особенность времени, говоря, что лишь малая часть вещей в этом мире действительно нам принадлежит, и даже в большей степени, чем наше собственное тело, это время [Бродель, 1992]. Интересно, что время нередко воспринимается как феномен смены состояний, и существуют самые разные типовые и видовые классификации данного феномена. В данном исследовании нас интересует время как культурно-исторический или социально-исторический феномен. Именно оно было осмыслено К. Марксом как «экономический ресурс» и его организация становится одним из ключевых проблем современности. Изучение времени в этом контексте важно для понимания участия и неучастия в самом широком смысле.

В данной статье рассмотрение и анализ указанных областей и исследований производится и применяется в контексте арт-медиации. То есть, предлагается рассмотреть, почему участник медиации может отказаться от участия или воспользоваться «правом на не-участие» и следует ли этому противодействовать. Предполагается, что раскрытие причин не-участия позволит подсветить проблемы, которые могут возникать в рамках арт-медиации и в более широком коммуникативном поле, а также предложить пути решения данной проблемы в контексте социокультурного взаимодействия людей.

Медиация и арт-медиация

Понятие медиатор/ка в научном и научно-популярном дискурсе требует постоянного уточнения, поскольку оно используется как для обозначения проектов и пространств, связанных с репрезентацией искусства, так и для самих произведений. Выставка или произведение искусства действительно могут рассматриваться как медиум в силу его преобразующей способности опыта в значение. Как указывает Е.Н. Шапинская в книге «Очерки популярной культуры»:

«Термин «медиум» является достаточно обобщённым, это любой инструмент коммуникации, который передаёт, или «медирует» значение» [Шапинская, 2008], в таком понимании сам объект становится медиатором, однако данное восприятие предмета приведет к лишней путанице, так как медиатор-медиум, являющийся посредником между субъектами в их квазивзаимоотношениях с искусством, по-настоящему способен влиять на данный контакт; его присутствие и деятельность является осязаемой, количественной и качественной, в отличие от потенции медиума- объекта/пространства/выставки и т. д., чье влияние на процесс является крайне индивидуально учитываемым и находится в области нематериального мира.

Сложности добавляет то, что во многих зарубежных источниках данный термин «арт-медиация» или «медиация» используется скорее как прием в определенных практиках соучастия или же как конкретная практика. В российском контексте данный термин до сих пор вызывает большое количество вопросов, связанных даже с самым базовым его определением. В рамках данного исследования предлагается понимать под арт-медиацией скорее *феномен*, нежели набор практик для взаимодействия в группе. Медиация в самом общем смысле является посредничеством между двумя сторонами с целью установления между ними продуктивного гармоничного диалога. Арт-медиация в российском контексте, или музейная медиация (как правило данные термины синонимичны) представляет собой *форму взаимодействия* в

музейном пространстве, направленную на установление доверительного диалога, который в потенциале содействует преодолению барьеров в отношении к искусству и культуре, а также созданию новых смыслов в процессе общения с искусством. Данное определение лишь с небольшими корректировками позаимствовано нами у А.Г. Бойко, который озвучивал его в рамках «Школы медиации» — интенсива, который проходил в октябре-ноябре 2024 года при содействии РЭМа и Ассоциации менеджеров культуры.

Для установления подобного диалога требуется владение навыками групповой модерации, фасилитации, сторителлинга, конфликтологии, а также владение широкой линейкой информации: о пространстве, людях, причастных к его созданию и функционированию, об авторах произведений; также необходимы общая эрудиция в области искусства и культуры, знания и навыки в области психологии коммуникаций.

Прежде чем углубиться в анализ, определим, что мы понимаем под понятием «не-участие» или «право на не-участие». Этот термин напрямую связан с концепцией соучастия, поскольку арт-медиация часто направлена на создание прозрачности музейной деятельности, а также на включение и вовлечение аудитории в различные сферы и области музейного пространства. В рамках музеев соучастие предполагает определенные методики, которые подробно рассматривает Нина Саймон в своей книге «Партиципаторный музей». Саймон описывает «партиципацию» как культуру соучастия, предполагающую активное сотрудничество публики и сотрудников музея в процессе реализации совместных проектов. Термин «Партиципаторный музей» (англ. *participatory museum*, от *participate* — участвовать) обозначает культурное учреждение, в котором «посетители могут заниматься творчеством, обмениваться впечатлениями и общаться на темы, связанные с деятельностью учреждения» [Саймон, 2017]. В современном мире все больше музеев сталкиваются с необходимостью смены традиционной парадигмы и включения элементов интерактивности в свои программы, чтобы оставаться конкурентоспособными и отвечать новым социальным запросам.

В этом контексте возникает вопрос: что же такое «право на не-участие», и какую роль оно играет в условиях, ориентированных на соучастие? Под не-участием мы понимаем отказ от участия в конкретных практиках, упражнениях или активностях, а также возможность полного прекращения взаимодействия в рамках события. Причины подобного поведения со стороны участников могут быть разнообразными. В следующей части статьи мы рассмотрим эти причины более подробно, а также постараемся разобраться в возможных последствиях не-участия для музеев и предложить стратегии для арт-медиаторов, модераторов, фасилитаторов и других специалистов, направленные на ответную реакцию на данное явление.

Социальная драматургия

Одной из возможных причин отказа от участия в практике или активности может быть та самая «драматургия взаимоотношений» или «социальная драматургия», упомянутая выше. Если рассматривать взаимоотношения в группе с позиции метафоры театра, можно сказать, что участники арт-медиации могут испытывать давление из-за необходимости «поддержания лица» или опасения выглядеть неуверенно в своей роли, что способно создавать барьеры к реализации права на не-участие. Примечательно, что данное давление сложно назвать позитивным, ведь арт-медиация в первую очередь должна раскрывать новые перспективы для участников, а не ограничивать их свободу. Ни мнение арт-медиатора, ни взгляды других

участников не являются априори правильными или ошибочными — это один из главных принципов медиации, утверждающий, что «правильных ответов нет». Все участники обладают равными правами выражать своё мнение, а также принимать решение остаться или покинуть группу. Безусловно, медиатор не стремится к тому, чтобы кто-то уходил из группы, но его задача — создать атмосферу, при которой выбор об участии или не-участии воспринимается уважительно, без давления, и, существует возможность, поменять собственное отношение к этому процессу.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что участники не всегда могут реализовать своё право на не-участие из-за социального давления или внутренних барьеров. Арт-медиаторы должны учитывать, что участники могут опасаться покинуть группу, чтобы не показаться непрофессиональными, грубыми или незаинтересованными. Осознание этого страха поможет медиатору создать более безопасную среду, где участие будет осознанным, а уход — допустимым. Как было отмечено выше, медиатору следует скорректировать своё отношение к случаю «не-участия» и донести этот подход до группы уже на этапе начала медиации, чтобы установить четкие правила взаимодействия и дать понять, что право на не-участие не порицается в этом пространстве. В этом случае участники не будут чувствовать себя обязанными «досидеть до конца» мероприятия.

Эта тенденция во многом связана с ценностью времени, о чём будет упомянуто далее. Важно, чтобы правила взаимодействия были озвучены в начале каждого мероприятия, так как это один из ключевых этапов медиации. В этот момент медиатор может обозначить правила поведения на мероприятии и донести, что каждый участник делает осознанный выбор, участвовать ему или нет в определенной активности. Достаточно уважительно обозначить свою позицию, и медиатор вместе с другими участниками соглашаются воспринять её как допустимую форму поведения. Это важно не только для тех, кто потенциально может воспользоваться своим правом на не-участие, но и для тех, кто заинтересован в участии. Участникам стоит объяснить, что решение кого-либо об уходе или отказе от активности не является личным выпадом или сигналом о недостаточной продуманности медиации. Это признак того, что каждый участник свободен в рамках установленных норм (включающих правила институции, закона, этики и культурного взаимодействия в общественных местах) и проявляет уважение не только к собственному выбору, но и к другим участникам.

При этом важно подобрать корректные слова для описания «правил медиации», а медиатору сохранить определённый уровень эмоциональной дистанции, выполняя роль так называемого «катализатора» — участвуя в процессе, но не вовлекаясь в него чрезмерно [Нилов, 2018]. Не менее значимой является способность медиатора анализировать свои собственные реакции и контролировать их. Если медиатор уважает выбор участников и видит, что добровольное участие является комплиментом его работе, актуальность и значимость арт-медиации как формы взаимодействия заметно повышаются.

Темперамент и личностные типы

Ещё одной «проблемой» в данном контексте может выступать внутренний дискомфорт участника. В этом случае плохо продуманные или скомпонованные активности мешают участникам включаться в совместную работу и продуктивный диалог. Надо отметить, что под продуктивностью в данном случае понимается осязаемая ментально, интеллектуально или

эмоционально польза для каждого участника. То есть речь идет о продуктивном общении, а не о коммуникации, если вспомнить, что под общением понимал М.С. Каган, говоря, что «В общении есть собеседники, соучастники общего дела. В общении информация *циркулирует между партнерами*, поскольку оба они равно активны и потому информация не убывает, а *увеличивается, обогащается, расширяется* в процессе ее циркуляции, а также «в процессе и в результате общения происходит отнюдь не обмен идеями или вещами, а *превращение состояния каждого партнера в их общее достояние*. Общение порождает *общность*, а обмен сохраняет *обособленность* его участников» [Каган, 1988].

Дискомфорт, который нередко бывает вызван разницей в темпераментах участников, может усугубляться недостаточной подготовкой и гибкостью модератора, что способно стать причиной отказа от участия кого-то из группы.

Темперамент является одной из ключевых характеристик, определяющих стиль взаимодействия и восприятия, а также уровень готовности вовлечься в активность. Согласно модели «Большой пятерки» личности (McCrae & Costa, 2008) различия в чертах, таких как экстраверсия и открытость к опыту, могут существенно влиять на способы включения участников в практики. Например, интроверты могут испытывать сложности при вовлечении в активное групповое обсуждение, в то время как экстраверты легко вступают в контакт и быстрее делятся своими идеями. Модель темпераментов Ханса Айзенка, модернизированная в современных исследованиях [Eysenck, Moser, Derakshan, Allen, 2016], показывает, что такие особенности, как склонность к стабильности или повышенной тревожности, могут сказываться на готовности участников к взаимодействию в группе и восприятию групповой динамики.

Проблему межличностных различий и потенциального дискомфорта можно решать за счет качественной подготовки медиатора и разработки продуманной структуры активности. В этом случае нет необходимости глубоко изучать психологию каждого типа личности, достаточно изначально предположить, что в медиации участвуют разные люди со своими индивидуальными особенностями, целями и намерениями. Предполагая наличие разнообразия характеров, медиатор может заранее подготовить активные и пассивные практики, чтобы у участников была возможность выбрать те, которые будут соответствовать их личным предпочтениям и уровню комфорта.

В идеале медиатору следует иметь несколько сценариев и комплектов практик для управления динамикой медиации. В каждой сессии желательно чередовать упражнения, направленные на получение коллективного и индивидуального опыта. Коллективные практики, подразумевающие вовлечение каждого в обсуждение и обмен мнениями, могут помочь участникам примерить разные точки зрения и выйти за рамки личного опыта. Вместе с тем индивидуальные упражнения позволяют участникам осмыслить свой опыт в личном темпе и, по желанию, поделиться им с группой на условиях открытого диалога. Подобная методика, когда участник может осознанно погружаться в собственные размышления и делиться ими по мере готовности, позволяет привнести личные переживания в общий эмоциональный/интеллектуальный фонд, а также глубже обозначить и проанализировать частные эмоции и реакции.

Такая подготовительная работа со сценарием медиации учитывает особенности темпераментов и позволит каждому участнику чувствовать себя более уверенно. Способность арт-медиатора управлять этим процессом требует гибкости и готовности учитывать индивидуальные потребности в группе, что также повышает уровень доверия и взаимопонимания в медиации.

Музейная педагогика и обучение взрослых

Проблема неучастия взрослых в арт-медиации связана с недостаточным учетом их уникальных потребностей и предпочтений в образовательных подходах, что приводит к снижению мотивации и интереса к обучению в музейных пространствах. В отличие от детской аудитории, взрослые предпочитают участие в процессе обучения, основанное на личном опыте, а также возможность выбора форм и методов обучения, которые соответствуют их индивидуальным потребностям.

Согласно концепции андрагогики Малкольма Ноулза, взрослые обучающиеся, в отличие от детей, нуждаются в активной роли в учебном процессе, которую они связывают с самоопределением и предыдущим опытом. Андрагогический подход, который учитывает эти особенности, позволяет взрослым принимать активное участие в образовательном процессе и выбирать те формы обучения, которые для них более удобны и полезны. В музеях это может выражаться в таких гибких формах, как интерактивные экскурсии, самостоятельное исследование экспозиций с использованием медиа-материалов и арт-медиация, которая активизирует их рефлекссию и персональные ассоциации с представленными произведениями искусства.

В арт-медиации следует учитывать эти особенности взрослой аудитории, подбирать и разрабатывать не только качественные формы коммуникации, но и предлагать ограничения, которые позволят участникам проявить свой опыт или свое креативное мышление в рамках групповой активности.

Инклюзия

Особым значением для арт-медиации являются набирающие популярность в России инклюзивные исследования и практики. Для общемирового контекста характерно более широкое понимание инклюзии, подразумевающее обеспечение доступности для людей с различным опытом и именно такая формулировка стратегии имеет отношение к арт-медиации. Также инклюзия в музейных практиках подразумевает не только физическую доступность пространства и возможностей, но и разнообразие форм участия, которые будут учитывать возрастные, культурные и психологические особенности посетителей.

Для создания комфортной и инклюзивной среды в рамках арт-медиации важно предлагать такие форматы, которые подойдут для людей с разным опытом и психологическими особенностями. Это может быть не только отказ от участия, но и пассивное участие, которое допускает присутствие без активной вовлеченности. Здесь же важно разрабатывать самый удобный маршрут в рамках арт-медиации, в смысле переходов между объектами и залами, а также продумывать фоновую речь или задачи для каждого в процессе перехода, чтобы участники не только не выключились из процесса, но и приобрели что-то в моменты перерывов. А также это будет способствовать инклюзивности в отношении участников разных возрастов и разных физических возможностей, закладывать время на комфортный темп развития арт-медиации.

Также в контексте инклюзивного подхода можно отметить важность использования простого и понятного языка и различных форм визуальной или вербальной информации для обеспечения участия людей с разными уровнями подготовки и когнитивными потребностями; а также учитывать возможные культурные различия, в особенности в случае интернациональных

групп, и возможность включения инклюзивных практик, которые будут способствовать медиации и взаимопониманию в таких группах.

При этом само современное искусство работает на то, что можно условно назвать символической демократизацией, оно «уходит от буквального изображения эмоций, ситуаций или проблем, часто сюжет метафоричен, композиция абстрактна и условна» [Соколова, 2020]. Неизбежное обращение к теории Э. Кассирера и его «animal symbolism» в практике арт-медиации, отсылает к особому объединяющему чувству, присущему человеку как представителю одного рода (как интерпретировал это Э. В. Ильенко) [Алешин, Ильченко, 2020], а именно, желание расшифровать символы, заключенные в искусстве. В этом ключе успешное восприятие и интерпретация возможны с опорой на развитую знаково-символическую деятельность в рамках арт-медиации, которая в силах способствовать взаимодействию участников не только в условиях классической, но и в особых условиях инклюзивной медиации.

Ценность времени и внимания

В условиях избытка информации и непрерывного взаимодействия с технологиями, время и внимание становятся важными ресурсами, которые каждый человек старается не только экономить, но и осознает необходимость защиты от информации, людей, деятельности, которая их отнимает. В связи с тем, что современный человек, потенциальный посетитель музея, учится выбирать, на что стоит тратить свое внимание, а от чего можно отказаться, музей ищет возможности привлечь посетителя и продемонстрировать ему ценность нахождения в музее и участие в его деятельности. Интерактивные форматы, включая и арт-медиацию, которые используют все больше российских культурных институций, направлены не только на коммерцию, но и на адаптацию себя и своих программ к современным социальным тенденциям. То, что можно назвать экономикой внимания, и является одним из главных аспектов исследовательского интереса в данной статье, и не-участие как осознанный выбор, который предоставляется каждому посетителю музея и каждому участнику арт-медиации, работает на осознанность каждого индивида в рамках его личной и общественной жизни.

Для арт-медиатора в контексте экономики внимания особо ценно не только объяснять, но и демонстрировать, что уход или отказ от участия воспринимается как осознанный выбор каждого, который вполне вероятно помогает человеку сохранить внутренние ресурсы, а также четко продумывать и озвучивать цели и результаты взаимодействия в рамках арт-медиации, иными словами, требуется, чтобы каждый участник ушел с медиации с осознанием, не только «выполненного плана» или интересного опыта, но и ощущением глубоко личного участия в перформативном событии. Также важно, в финале, четкое понимание каждого, зачем он посвятил свое время данному событию, что ему это дало; анализ собственных достижений позволит человеку составить адекватное мнение о данной форме взаимодействия в музейном формате.

Неучастие как форма взаимодействия

Анализ возможных причин возникновения ситуации не-участия приводит к главному этапу исследования. Каким образом следует работать с этим не-участием, и как оно может быть формой взаимодействия? Как и в любом общении, отсутствие ответа ввиду отказа от ответа является в определенной степени уже осуществленной обратной связью. Выше были озвучены те проблемы, которые могут быть связаны с нежеланием участвовать в активностях, практиках,

упражнениях в рамках арт-медиации. Есть основания полагать, что нежелание вступать в процесс общения или участвовать в той или иной интерактивной форме взаимодействия может быть обусловлено самыми разными причинами, которые могут быть не связаны с качеством медиации, личными и профессиональными качествами медиатора или других участников; в этом случае для поддержания комфортной среды в группе, арт-медиатору следует контролировать свои реакции и не акцентировать внимание на отказе или уходе. При этом, следует понимать, что успешная арт-медиация состоится в случае максимального участия всех членов группы. Также следует отметить, что арт-медиация не имеет в своих задачах терапевтическое воздействие на участников, хотя иногда может оказывать некий терапевтический эффект.

В данном ключе, можно отметить одну из важных компетенций арт-медиатора, это способность анализировать себя и свои реакции и действия в самом процессе медиации, а также анализировать участников, эмоциональный фон события и так далее, с целью корректирования медиации с учетом полученных данных. То есть, арт-медиатор способен предположить, с чем может быть связано не-участие и постараться воздействовать на участника, если в этом есть необходимость.

Нельзя забывать, что арт-медиатор создает доверительный диалог не только в группе, но также делает возможным квазидиалог участников с произведениями искусства и музейной средой; искусство же имеет особую уникальную способность преобразовать человека, поэтому стоит чаще обращаться к артефакту, связывая его в сознании участников с их личными эмоциями, чувствами, опытом; если участник подключится к этому потоку взаимодействия, то тогда ему не будет нужды реализовывать свое право на не-участие.

Стоит отметить, что участие также не всегда может быть показателем успешности медиации, и в контексте заявленной темы следует также упомянуть ситуацию, когда не-участие было бы предпочтительней, а также раскроет неоднозначность не-участия как априорно негативного исхода. Нежелание посетителей покидать мероприятия, даже если они испытывают дискомфорт или усталость, может быть связано с несколькими культурными и психологическими барьерами. Один из наиболее значимых факторов – это эффект упущенной выгоды (FOMO, Fear of Missing Out), который особенно остро ощущается в современном обществе с его динамикой и ритмом. Участники могут опасаться, что, покинув мероприятие, они упустят важные знания или впечатления, которые могли бы обогатить их культурный, эмоциональный или интеллектуальный опыт. Это чувство усиливается в ситуации, когда ожидания от мероприятия высокие, а арт-медиация подается как уникальная возможность, предоставляющая особый контакт с искусством.

Кроме того, существует социальное давление и неявные нормы, подталкивающие людей оставаться до конца. Посетители могут испытывать страх осуждения (о котором уже было упомянуто выше), опасаясь, что уход будет воспринят как проявление неуважения к медиатору, музею или другим участникам. В таких случаях уход с медиации ассоциируется в глазах окружающих и в глазах самого человека с «провалом», особенно в контексте культурных мероприятий, где вовлеченность часто считается критерием образованности и воспитанности.

Еще один важный барьер – это стремление оправдать уже вложенные ресурсы. Если человек инвестировал свое время, силы, а нередко и средства, чтобы прийти на арт-медиацию, он может оставаться, даже если сам процесс перестал приносить ему удовольствие, а обозначенные цели кажутся бессмысленными. Люди стремятся завершить начатое, чтобы оправдать свои усилия и не чувствовать сожаления от неиспользованной возможности.

Одним из способов решения этой проблемы может стать пропаганда культуры выбора,

подчеркивающая, что осознанное решение покинуть медиацию является нормальным и может свидетельствовать о здоровом распределении своих ресурсов. Важно донести до аудитории, что они имеют полное право самостоятельно определять уровень вовлеченности и свой личный комфорт, что отказ от участия или уход не является признаком провала, а, напротив, демонстрирует способность управлять своим временем и психологическими ресурсами.

Для этого музей и медиаторы могут использовать различные стратегии, например уже не раз отмеченное нами «установление правил и границ», то есть в начале медиации медиаторы могут подчеркнуть, что участие – это личный выбор, и покинуть мероприятие можно в любой момент, если это соответствует внутренним потребностям посетителя. Также важно акцентировать внимание аудитории на том, что каждый человек приходит с уникальными потребностями и запросами, и отсутствие вовлеченности в какой-то момент не умаляет ценности их восприятия искусства. И второй момент – институциональный – создание комфортных условий для реализации права на не-участие. Музей может предусмотреть формат, позволяющий зрителям покидать пространство незаметно, без давления со стороны других участников или медиаторов. Такие действия будут способствовать формированию безопасной и комфортной среды.

Заключение

В данной статье одним из аспектов, который требовал исследования и своеобразного утверждения, являлось признание самого факта права на не-участие; отметим, что данное право должно быть осознаваемо всеми членами коммуникации и сторонами общения, а также это право не является показателем негативного отношения сторон или неактуальности всего события. Расширение поля для исследования арт-медиации как формы взаимодействия представляется положительной динамикой в научном поле, а также частью демократизации и культурных институций, и музейного сообщества, и социума в целом. Уважительное, доверительное и осознанное общение может способствовать развитию всего мирового сообщества.

Библиография

1. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
2. Кларин, М.В. Педагогическая технология в учебном процессе. Анализ зарубежного опыта. – М.: Знание, 1989. – 77 с.
3. Ноулз, М.Ш. Современная практика образования взрослых. Андрагогика против педагогики [Текст]. – М.: Прогресс, 1980. – 218 с.
4. Falk, J.H. Identity and the museum visitor experience. – New York: Routledge, 2016. – 301 p.
5. Бродель, Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. – М.: Прогресс, 1992. – 679 с.
6. Шапинская, Е.Н. Очерки популярной культуры. – М.: Академический проект, 2008. – 191 с.
7. Саймон, Н. Партиципаторный музей / Пер. А. Глебовской. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 368 с.
8. Нилов, Е. Беседы о модерации. Часть 1. – М.: Ridero, 2018. – 180 с.
9. Каган, М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М.: Издательство политической литературы, 1988. – 319 с.
10. Личностный опросник EPI (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов. – М., 1995. – С. 217–224.
11. Eysenck, M.W., Moser, J.S., Derakshan, N., Allen, P. Trait anxiety, processing efficiency and performance effectiveness: Developing attentional control theory. Submitted for publication. – 2016.
12. Соколова, О.Ю. Музейная педагогика в условиях инклюзивного образования: работа с подростками с нарушением зрения // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №66-4. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-v-usloviyah-inklyuzivnogo-obrazovaniya-rabota-s-podrostkami-s-narusheniem-zreniya> (дата обращения: 19.12.2024).

13. McCrae, R.R., Costa, P.T. The Five-Factor Theory of Personality // John, O.P., Robins, R.W., Pervin, L.A. (Eds.). *Handbook of Personality*. – New York: The Guilford Press, 2008. – P. 159–181.
14. Кассирер, Э. *Философия символических форм: В 3 тт.* / Пер. с нем. С.А. Ромашко. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – ISBN 5-94483-003-4 (том 2), ISBN 5-94396-025-2 (том 3). – Т. 1. Язык; Т. 2. Мифологическое мышление. – 2-е изд. – Т. 1–3. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
15. Алешин, Я., Ильченко, А. (сост.) *Общее целое*. – М.: V-A-C Press, 2020. – 288 с.

The right to non-participation as a form of interaction: opportunities of art mediation

Mariya V. Zabelina

Master of Cultural Studies,
Laboratory Assistant of the Educational Laboratory
of the Department of Theory and History of Culture,
Russian State Pedagogical University,
191186, 48, Moika River Embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Zabelina1990@mail.ru

Abstract

The article explores the concept of the right to non-participation within the context of art mediation. The notion of the "right to non-participation" is formulated not only as a form of refusal to engage but also as a potential avenue for creating new levels of communication. The study analyzes the causes and barriers leading to non-participation in museum practices, including art mediation. It draws upon theoretical frameworks such as Erving Goffman's theory of social dramaturgy, Malcolm Knowles' theories of andragogy, temperament typologies, and the principles of inclusion in its broadest sense. Particular attention is given to time as an economic resource, which plays a critical role in decisions regarding participation or non-participation. The article emphasizes that non-participation is not inherently a negative phenomenon; it can represent a conscious choice that should be respected and integrated into the context of museum interaction. The study also offers practical recommendations for art mediators aimed at creating conditions in which the right to non-participation becomes an integral part of an inclusive approach to audiences. These recommendations include flexible event formats, consideration of individual participant characteristics, and the development of new strategies for interaction grounded in empathy and understanding. The research contributes to a deeper understanding of the phenomenon of non-participation and opens new perspectives for the development of art mediation as a form of interaction, enabling individuals to engage in ways that align with their personal boundaries and preferences.

For citation

Zabelina M.V. (2025) Neuchastie kak forma vzaimodeistviya: vozmozhnosti art-mediatsii [The right to non-participation as a form of interaction: opportunities of art mediation]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (1A), pp. 53-65.

Keywords

Non-participation, the right to non-participation, art mediation, museum practices, museum pedagogy, social dramaturgy, andragogy, inclusion, participation

References

1. Goffman, E. (2000). *Presentation of self in everyday life* (A. D. Kovalev, Trans. & Introduction). Moscow: KANON - press-C; Kuchkovo Pole. (Original work published in English).
2. Klarin, M. V. (1989). *Pedagogical technology in the educational process: Analysis of foreign experience*. Moscow: Znanie.
3. Knowles, M. S. (1980). *The modern practice of adult education: Andragogy versus pedagogy*. Moscow: Progress.
4. Falk, J. H. (2016). *Identity and the museum visitor experience*. New York: Routledge.
5. Braudel, F. (1992). *The wheels of commerce: Civilization and capitalism, 15th–18th century* (Vol. 3). Moscow: Progress.
6. Shapinskaya, E. N. (2008). *Essays on popular culture*. Moscow: Akademicheskyy Proekt.
7. Simon, N. (2017). *The participatory museum* (A. Glebovskaya, Trans.). Moscow: Ad Marginem Press.
8. Nilov, E. (2018). *Conversations about moderation. Part 1*. Moscow: Ridero.
9. Kagan, M. S. (1988). *The world of communication: The problem of intersubjective relations*. Moscow: Political Literature Publishing.
10. EPI personality questionnaire (G. Eysenck's method). (1995). In *Almanac of psychological tests* (pp. 217–224). Moscow.
11. Eysenck, M. W., Moser, J. S., Derakshan, N., & Allen, P. (2016). *Trait anxiety, processing efficiency, and performance effectiveness: Developing attentional control theory*. Manuscript submitted for publication.
12. Sokolova, O. Y. (2020). *Museum pedagogy in inclusive education: Working with visually impaired teenagers*. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 66(4). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-v-usloviyah-inklyuzivnogo-obrazovaniya-rabota-s-podrostkami-s-narusheniem-zreniya>
13. McCrae, R. R., & Costa, P. T. (2008). *The Five-Factor Theory of Personality*. In O. P. John, R. W. Robins, & L. A. Pervin (Eds.), *Handbook of Personality* (pp. 159–181). New York: The Guilford Press.
14. Cassirer, E. (2002). *Philosophy of symbolic forms* (Vols. 1–3, S. A. Romashko, Trans.). Moscow; Saint Petersburg: University Book.
15. Aleshyn, Y., & Ilchenko, A. (Eds.). (2020). *The common whole*. Moscow: V-A-C Press.